

"Преступное занятие" Год выпуска: 1990

Предисловие.

Мы можем часами просиживать в разговорах, мы можем долго молчать, понимая друг друга. Этот худощавый парень, готовый отстаивать свои принципы в любой ситуации, проживает судьбу, и потому очень сложен, но и прекрасен его путь. Самые разные люди что-то свое находят в его песнях. Я рад держать в руках эту книгу. Добра и удачи тебе, Боря!

Вадим Туманов

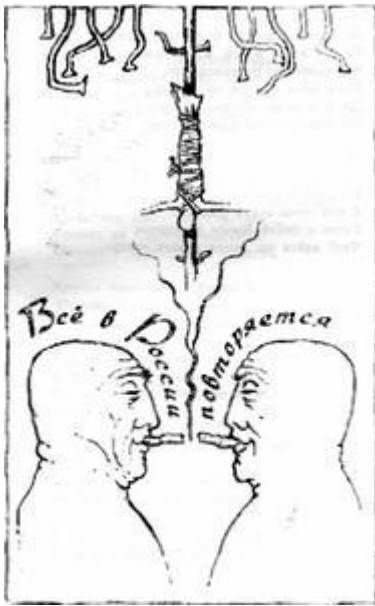
Вся наша жизнь - преступное занятие,
На каждый шаг придумана статья,
И выраженье "Бог тебе судья"
Есть просто вырождение понятия.

Все боги - на земле давным-давно,
А судьи ходят в суд в костюмах "тройка".
Упрощено существование настолько,
Что просто-напросто оно запрещено.

Я против истины ни в чём не погрешил,
С природы пишу лики богомазы.
И если ты пока что не наказан,
То это значит - ты пока не жил.

Мы сегодня вперед, не по кругу живем,
Только я вот о чем, вот о чем, вот о чем:
Это вышло не по мановенью.
Были люди и в том поколеньи,
Да и в этом, которые Время
На себе привезли в наше время.

Многих нынче из них не найдешь среди живых.
А живые и ныне — лишь воду да жмых,
Им пока что еще не воздали.
А они снова вдаль ускакали,
Увозя с собой Время с азартом,
Чтоб войти мы могли в него завтра.

Когда опутанный тьмой страха
Мир правил сатанинский пир,
Один раздвинул стены мрака,
Сказав, что бесконечен мир.
Он разгадал его движенье,
Но жизнь — прозрению цена.
И озарилась на мгновенье
Изогнутая страхом тьма.

— Там кто горит, кажись, Джордано?
— За что его?— Он — еретик.
Спешат на площадь горожане
Составить праздничный триптих.

Кричал юродивый: «Калеки!»
Юродивым прощают все.
— Я видел это в прошлом веке,
Не нов на площади костер.
И дальше будет точно так же:
Кого-то утром босиком
К столбу на площади привяжут
И назовут еретиком.

— Там кто горит, опять Джордано?
— Не жаль его: он — еретик.
Глядят на площадь горожане
Из комфортабельных квартир.

У них сомнений нету в казни
Того, кто посягнул на тьму.
А он не властен показать им
Открывшееся одному.
Его уже к костру толкают,
В разгаре сатанинский пир.
А с неба звезды тьму лакают,
Светлеет бесконечный мир.

— Там кто горит, опять Джордано?
— Да нет, другой, того сожгли.
Стоят навытяжку жандармы,
И мчатся мимо «Жигули».

А. Галичу

Солнце всходит на востоке рано
И спешит к Елабуге, Сучану
Обогреть промёрзшее лучами,
Осторожно прикасаясь к ранам.
Только солнцу не вернуть долг нам,
Даже солнце не владеет даром
Проникать в те проклятые дали,
Так о чём ты, Александр Галич?

С острова Жестева
Вылетели шестеро,
Шестеро утят.
В путь рискнувши длинный,
Вытянули спины,
Может, долетят.
С севера, с Жестева
Вылетели шестеро,
Дай им Бог суметь,
Пятеро!
Четверо!
Ну, должен же хоть кто-то долететь.

А светило движется к столице,
Нынче солнце в меньшем дефиците,
Сторицей одаривает лица
И в Кремлях, и в стареньких больницах.
Так зачем же, Александр Галич,
На кассете у соседки Гали

Не даёшь забыть еврейских гетто?
Кадеш слышен, слышен кадеш где-то!

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвётся и плачет сердце моё.

Скрип и шип, и многих слов не слышно,
Не дойти, не доползти до смысла,
Может быть, опять ошибка вышла?
Говорят, что очень может быть!
И сидит на лошади Будённый,
Мёрзнет Мандельштам зимой студёной,
До чего ж в конце концов дойдём мы,
Если это сможем позабыть?!

И ладно, не надо мальчишкам
В прошлое ни на шаг,
Но книжку-то, можно книжку,
Её почему никак?

Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвётся и плачет сердце моё.

Повела Раиса плечиком,
Миша в такт: носочек-пяточка.
Нынче кушать стало нечего,
Стала водочка — десяточка.

Времена — они меняются,
Но пойми, уняв брюзжание:
Всё в России повторяется,
И всегда с подорожанием.

Ох, богата Русь чудилами:
То - Малюта, а то - Берия.
Вот теперь ума хватило бы -
Не держаться за империю.

Времена — они меняются,
Шабаша и покаяния.
Все в России повторяется:
Преступленья, наказания.

ДЕМОКРАТИЯ

Специально или по запарке,
Но факт, что может быть смешней,
Открыли клетки в зоопарке,
На волю выпустив зверей.
На волю выпустив зверей.

Демократия, демократия, демокра-ти-я!

И звери, выйдя из застоя,
Слегка от воли озверев,
Давай расходовать дотолле
Сил накопившихся резерв.

Медведь, чтоб знали, для начала
Отшиб рога овцебыку,
Сожрала львица полмарала,
Икнув при том "мерси боку".
Икнув при том "мерси боку".

Демократия, демократия, демокра-ти-я!

Храпя, гонялся тур за ланью,
Кабан выслеживал сову,
А оцелот с двумя козлами
Три дня пропьянствовал в саду.

Хохлатая поламедея
За корм ходила к индюку,
А слон вынашивал идею:
Как отвалить бы в Индию.
Как отвалить бы в Индию.

Демократия, демократия, демокра-ти-я!

И вот, такая вот, потеха
В том зоопарке по сей день.
— Куда ты, слон, собрался ехать?
Тут столько дел!— кричит олень.

На прутья клетки мы распилим,
У нас здесь будет жизнь: во!
Об этом думает сам филин,
И лошадь Прже-жевальского.
И лошадь Прже-жевальского

Демократия, демократия, демокра-ти-я!

Надоели банальные темы
Про колхозы, про темпы, про власть.
Ясно всем — виновата система,
Но еще не накушались всласть
Едоки, предержавшие власть.

А поскольку их, сытых, но дряблых,
Молодые меняют умы,
Долго слушать еще про
Октябрь Будем речи великие мы.

А в октябре дождям приют
И хмарь куда ни плюнь.
Нет я про осень не спою,
Спою я про июнь.
И как в июле полюблю,
И в августе сгорю,
Так что никак не разделю
Тоску по октябрю.

Разродилась страна президентом,
Депутаты немножко бузят,
Хоть в народе растет подозренье,
Что две трети из этих ребят
Из кормушки Верховной едят.

Вот и нету проблем с Карабахом,
Утрясен с Тбилиси эксцесс.
За кормушку — в лоскутья рубаху:
«Мир», «Октябрь», «Слава КПСС!»

А в октябре дождям приют
И хмарь куда ни плюнь.
Нет я про осень не спою,
Спою я про июнь.
И как в июле полюблю,
И в августе сгорю,
Так что никак не разделю
Тоску по октябрю.

Надоели банальные темы
Про колхозы, про темпы, про власть,
Ясно всем — виновата система,

Но еще не накушались власть
Едоки, предержавшие власть.

Вот и судят они, вот и рядят,
То с одним, то с другим не в ладу.
А в миру давно отжил октябрь,
Распустились пионы в саду.

А в октябре дождям приют
И хмарь куда ни плюнь.
Нет я про осень не спою,
Спою я про июнь.
И как в июле люблю,
И в августе сгорю,
Так что никак не разделю
Тоску по октябрю.

Не крутите напрасно вы глобус,
Ручку тонкой настройки волны,
Нет у нас и развеян наш голос
По окопам минувшей войны,
По окопам минувшей войны.

Нам пожить в жизни не пофартило,
Да и кто тогда думал о том,
Как щенят нас война подхватила
И о танки ударила лбом.

Оглушила, швырнув из постели
Под свинцовый колодезный душ,
Только души из нас полетели,
Сотни тысяч оранжевых душ.

Кто-то крикнул: «За Сталина, братцы!»
И остался вмерзать в ржевский снег.
На чужой территории драться
Обещал нам великий генсек.

Выжил кто-то в окопах? Навряд ли,
Да и как — со штыком на броню.

Перед боем давали мы клятвы,
Ну а после встречались в раю.

И оттуда, глядя на Расею,
Рассмотрели богов мы лихих.
Но верни — снова б кровью своею
Замывали чужие грехи.

Снова б гибли под Минском и Брестом,
Выбирать бы опять не пришлось.
Нам навечно и время и место
На спасеньи России сошлось.

ДЫРЯВЫЙ РУКОМОЙНИК

Возможно, буду скучен,
Но парадокс есть в том:
Хотят все так, как лучше,
А лучше не живем.
Ресурс потенциальный
Имеется, но вот,
Как будто специально
Всё наоборот.

Накачаны баллоны,
Да съело с передка.
Просил воды холодной,
А дали кипятка.

Как будто бы нарочно
Сдают одних червей.
Чем неприятней рожа,
Тем больше власти ей.
Народ на эту рожу
Глядит, раскрывши рот,
Как будто бы нарочно
Всё наоборот.

Дырявый рукомойник,
Вниз маслом бутерброд.
Рожать хотели двойню,
А сделали аборт.

Всегда найдётся рыжий,
Но даже суть не в том,
Пылятся в лавках книжных
Мильонным тиражом

Доклады и трактаты,
А в шорохе аллеи
Булгаков с Пастернаком
Идут за сто рублей.

Накачаны баллоны,
Да съело с передка.
Просил воды холодной,
А дали кипятка.

Как говорят в народе,
Конец — всему венец,
И памятник Володе
Поставлен наконец.
Но пять тузов в колоде,
Без толку морщить лбы,
Очнулся бы Володя,
Взглянул и сплюнул бы.

Дырявый рукомойник,
Вниз маслом бутерброд.
Рожать хотели двойню,
А сделали аборт.

Где вира, а где майна?
Сам чёрт не разберёт.
Нет, видно, специально
Всё наоборот.
В конце найдется крайний,
И будет рад народ,
Но мне обидно крайне,
Что всё наоборот.

Накачаны баллоны,
Да съело с передка.
Просил воды холодной,
А дали кипятка.

Я ПРОДОЛЖУ

Мгла просветлилась, стремилось солнце ввысь,
А из окопа, из которого не встать,
Рванулся, наплевавший на “Ложись!”,
Один за всех готовый воевать.

Он наплевал на смерть и страх:
Ну сколько можно слушать вой
Свистящих пуль? Да лучше в прах,
Чем жаться в землю головой.
Поднялся в рост, везучий черт,
Что даже пуля не берет.
- Прикройте, я прорвусь вперед!

Прикройте, я спою. Поет!

А его никто не прикрывал,
В ту пору я еще не воевал,
Был мал.

И сам собой теперь казним
За что?

За то, что не поднялся вместе с ним.

Светило солнце ярко, в цель били строчки,
Не замечал он ни разрывов, ни огня,
А пули рвали, рвали тело в клочья,
Ох, рядом не было меня.

Еще б чуть-чуть, еще б чуть-чуть,
И мы бы вместе шли с ним в бой,
Он за меня подставил б грудь,
Я за него бы – головой.

Но он не мог ждать, он бежал,
Кричал: “Прикройте, я прорвусь!”

Он на удачу уповал,
Стой, подожди, я поднимусь!

Как ни был он удачлив и везуч,
Но вырвался однажды жизни ключ.
Средь туч зажато солнце,

нечем крыть

И ни один не захотел

его прикрыть.

Деревья выросли, я не отстал от них.

Теперь я поднимаюсь из окопа,

Мне совестно в траншеях гнить,

И не сдержать мне сердца топот.

Я подобрал, я подобрал

Его винтовку и мотив

Того, кто насмерть воевал

Один за всех и вот погиб.

Кричу: “Прикройте!” – и встаю,

Но я один, как он, дымлюсь.

Так что, сгорю? Не допою?

Но и в окоп я не вернусь.

Солдат погиб, но не надейтесь, не за так,

Продолжу его путь, хотя б на шаг,

На шаг,

На два,

Пока смогу ползти,

За мной

другому

меньше

останется пройти.

Сиротеют дома - покидают евреи страну.
Пианино в пыли, и сервант отодвинут к окну.
Визу ждёт Миша Фиш, а Исай Фельдман топчет Нью-Йорк.
Ни Рамзес, ни Гомулка, увы, никому не урок.

Не хочу быть провидцем, но только, но только всегда
В землю ту, что оставят евреи, приходит беда!
Беда...
Уезжают евреи.
В Тель-Авив уезжают, Сидней, Вашингтон и Нью-Йорк.

Позабыты молитвы в маэд, но одной не забыть:
Из Египта ушли мы, рабы, чтоб рабами не быть.
Подождите, евреи, стойте! Не можете ждать.
Уезжаете, что ж... Дай вам Бог, чего можно желать.

Не хочу быть провидцем, но только, но только всегда
В землю ту, что оставят евреи, приходит беда!
Беда...
Уезжают евреи.
В Тель-Авив уезжают,
В Сидней, Вашингтон и Нью-Йорк.

РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ

Как яд, друг на друга из нас плещет зло:
Оглох что ль? Пошел! В руки по полкило!
Не ждите билетов. Есть, но по частям.
Да я сейчас вам! Обалдели вы там?
И на руку это, все это властям,
И на руку это властям:

Грызитесь, ребята, грызитесь сильней,
Выхватывайте тик и астму.
Из наших прудов вам не есть карасей.
Разделяй и властвуй.

С ножами пошла не на шутку игра,
В Сибири зарезали Кешу-вора,
Блатные никак не поделят путан,
Стреляют в упор по вчерашним кентам.
И на руку это, все это ментам,
И на руку это ментам:

Давите, ребята, друг друга зазря,
Карт-бланш выдаем вам негласно.

Мы выживших после свезем в лагерь.
Разделяй и властвуй.

Но номер со мною не выйдет у вас,
Я выброшу нож, сплюну яд в унитаз,
Не надо топтаться на наших костях,
Я не подыграю сегодня властям,
Я не подыграю властям.

Напрасны уловки - грызитесь сильнее,
Нарушим порядок мы в пастве,
Из наших прудов вам не есть карасей.
Так и знайте, баста!

В этой жизни все сплошь перевернуто,
Вот и нынче летим мы, летим.
В оболочку добра ложь завернута,
Оболочка растает, как дым.

В этой жизни все сплошь переломано,
За улыбкой ухмылка видна.
Ковш прозрачной водой переполнен был,
Испарится водица до дна.

В этой жизни все сплошь перепутано,
Храбрость пугана, боль не болит.
Над землею, туманом окутанной,
Век от веку один виден лик.

Может, песня моя вышла пошлая,
Да и рад бы блуждать я во тьме.
Но чем дальше, тем ближе мы к прошлому,
Ну, а я, значит, ближе к тюрьме.

ГАЗЕТЫ

Ну, до чего же надоели мне газеты!
В печёнках пленумы и съезды у меня.
Ох, отдохнуть бы, ох, не слышать бы об этом
Неделю, день, ну ладно, хоть полдня.
Я не хочу в решенья партии вдаваться,
Свои проблемы разрешить как — невдомёк.
Я вечно зол, а так охота улыбаться
И так в Париж охота на денёк.

У них там человек — не вместо винтика,
У них там вывески — на все лады.
А тут кругом бегом — одна политика
Да тридцать "миссок" — конкурс красоты.

Нет, я не против, я смотрю на наших "миссок"
И не сравню их даже с членами ЦК,
И я кричу, - Забросил шайбу вновь Фетисов!
Сам предкомспорта не умеет так пока.
Я рад всему, к чему душа моя стремится,
Но зверем злюсь, ещё раскрыв газету лишь:
Опять форум, опять пугают за границей.
Ох, на денёк смотаться бы в Париж!

У них там человек — не вместо винтика,
У них постель — всего лишь лёгкий флирт,
А тут кругом бегом — одна политика,
И вот, те раз — с Фетисовым конфликт.

Ну до чего же надоели мне газеты!
В печёнках пленумы и съезды у меня.
Ох, отдохнуть бы, ох, не слышать бы об этом
Неделю, день, ну ладно, хоть полдня.

Кому нужны сегодня книжки,
Зачем вообще сегодня песни?
Доход у спекулянта Мишки —
Семнадцать сторублевых пенсий.

Обалдевает Мишка даже,
От вседозволенности весел,
И хруст коричневых бумажек
Приятней всех на свете песен.

Да ладно, бог с ним, с этим Мишкой,
Вон - наш парторг с завода "Знамя"
На двери делать стал задвижки,
И пропускать стал партсобранья.

Освободился вор в законе,
Взглянул и ахнул,- Ну и время!
За что терял здоровье в зоне?
Уйду назад, ваш мир растленен.

ДРОЖЬ

Под неусыпным оком
Из затемненных окон
Проходит жизнь вся,
Не шевелись!
Направо — провод с током,
Налево — выйдет боком,
А прямо — трижды сплюнь
И оглянись!

Куда пойдешь?
В коленях дрожь.
С чего начнешь,
К тому придешь.

Вот вечная дилемма -
Направо ли, налево.
А может, все же сплунуть
И вперед!
И перед самым оком —
На лошадь и галопом
В надежде на промах
И недолет.

Под стук подков,
Под лязг оков,
От горьких снов
В снега снегов!

Что проще, что сложнее,
Что лучше, что важнее -
Решайте, в этой песне нет конца.
Уже собаки лают,
И даже я не знаю,
Чем кончится побег для беглеца.

Он дрожь унял
Под дробь копыт.
А где был я?
А где был ты?

Он дрожь унял
Под дробь копыт.
А с кем был я?
А с кем был ты?

Действительно, поэт умрёт,
И лишь тогда ему воздастся,
Почти всегда иная, братцы,
У нас судьба генсеков ждёт.

Вы призадумайтесь об этом,
Когда наступит день решать,
Кем больше хочется вам стать -
Генсеком или же поэтом.

ДВОРНИК

Из окон раскрытых
Окрестных домов
Струился вниз запах
Мясных пирогов.
Печальный звук скрипки
И крика металл
Кружил и витал,
И к асфальту слетал.

А дворник всё в кучу
Большую сметал.

Летели вниз перья
От взбитых перин,
Отставшая краска
Балконных перил,
Любовные вздохи,
Разбитый бокал,
И луч, отражённый
От чьих-то зеркал.

А дворник усердно
Всё в кучу сметал.

Парили надежды
Как воздух легки,
Гораздо быстрее
Приземлялись плевки,
И кто-то, в куски
Разбиваясь, стонал...
Но дворник не слышал,
Не видел, не знал.
Он попросту всё
Аккуратно сметал.

Он думал, что пользу
Большую несёт.
Он думал, что мусор
В кучу метёт.

ПРО НЕЁ

Она была всегда событий в центре,
В руках всегда какой-нибудь талмуд,
Она меня и в театр, и на концерты,
А я тянулся вечно не к тому.

Я шел во двор,
Там пил и ел,
Мне друг был вор,
Я так хотел.

Ее все чаще я встречал в эфире,
Артист кино пять дней у ней гостил,
Она уже жила в своей квартире,
И я уже туда не заходил.

Я жил и пел,
К тому же пил,
Я так хотел,
Я не копил.

А вот она на “Форд” сменила “Волгу”,
Потом весь в белом появился муж.
Мы с ней столкнулись — вазочка с осколком,
И усмехнулись: все такая чушь.

В тот день дождь лил,
Потом шел снег,
А мы с ней шли,
Мы шли ко мне.

Я ПРИЛЕТЕЛ, ШАБАШ!

Я прилетел, шабаш спокойной чьей-то жизни,
Со мной всегда багаж сует и суматох.
В кого-то мой вояж ночным шампанским брызнет,
Кому-то боком, ох, он выйдет, видит бог.

Пляшите тенью на стене,
Плещитесь пеною в вине,
Я всех, кто ждал, всех обнимаю разом!
А кто забыл, тех не виню,
Я просто им не позвоню,
Пусть сохнут розы в их хрустальных вазах.

Я прихватил с собой с полета кроху неба,
Кому-то подарю осколок синевы.
Звоните мне домой, полгода дома не был,
Судьбу благодарю: меня, ведь, ждете вы.

Пляшите тенью на стене,
Плещитесь пеною в вине,
Я всех, кто ждал, всех обнимаю разом!
А кто забыл, тех не виню,
Я просто им не позвоню,
Пусть сохнут розы в их стеклянных вазах.

Пять дней и все, шабаш: сегодня улетаю,
Был кратким мой вояж, да не об этом речь.
Ведь, в ком-то все же я чего-то оставляю,
И в свой кладу багаж тепло от наших встреч.

Пляшите тенью на стене,
Плещитесь пеною в вине,
Кто проводить пришел, всех обнимаю!
А кто забыл, тех не виню,
Да я им и не позвоню,
Пусть в их стаканах розы досыхают.

У плитки руки грели
до коликов по коже,
Тепла-то — еле-еле
от чайника, а все же
Потопчешься в отцовском,
И, вроде, холод выгнан,
Вчера мы вам мурцовки,
сегодня клейстер вы нам.

Кусочек мыла вражьего
по всем квартирам хаживал,
Кто мог — играл адажио,
кто мог — часы налаживал.
Одним пальтишком надо, коль,
накроемся, и верьте же,
Играли скрипки с альтами
на счет четыре четверти,
Тарелки и ударные —
для всех счет равный, истинный,
Потерями и ранами
проверенный, единственный.
Я заглянул в неблизкое,
там в душах червь не лазает,
Одна всем сказка-присказка,
хотя погоны разные,
Там по заслугам вышивки,
особых нету граждан.
- Так, то ж - война,— я слышу,—
Не сравнивайте даже.

Нам всем когда-нибудь и где-нибудь зачтется
За наше доброе и наше недобро.
Известно сызмальства: что сеешь, то взрастется,
И это правило, наверное, верно.
Отдал последнее – не жди, что в лотерею
Вернется откупом, чем раньше дорожил.
Ты поклонился самой высшей вере,
Тебе зачтется, не напрасно жил.
Ну а те, кто в костре, кто в петле,
в кого гвоздь
Забивали, им что – лучший гроб?
Про кого я пою, ясно вам и без слов,
Значит, ох как зачлось, как зачлось.
Мы зачастую в истины не верим,

Бывает чаша выгод тяжела,
И тянет книзу, и пустеет терем,
И от костра – лишь сажа да зола.
Уже подсчитаны и прибыль, и потери,
И не замечено, как тень на свет легла,
Но был один, он не покинул терем,
Раздул костер, и жизнь не умерла!

И остались в живых смех и слезы,
и злость,

Только спасший не снес головы.

Про кого я пою, ясно поняли вы.

Значит, ох как зачлось, как зачлось.

Нам всем когда-нибудь и где-нибудь зачтется
За наше доброе и наше недобро.
Известно сызмальства: что сеешь, то взрастется,
И это правило, наверное, верно.

В НЕПОГОДУ

Что было, то будет,
Возможно, возможно,
Никто не рассудит –
Правдиво ли, ложно
Живешь и живи,
Не путай колоду,
Но я
 поднял парус
 свой в непогоду.

Что дать и что взять,
Коль прикован законом
Годами стоять
Пришвартованным к бонам,
Мне ждать надоело
У моря погоду,
И я
 поднял парус
 свой в непогоду.

Для грешного в тяжесть
Святая подачка,
Тому, кто бродяжит,
Бывает удача,
Иначе же как докопаться до боли?
Не знает никто, а я и тем более.
Тычут: забыл, чьего племени-роду?

В парус вдувая, ветры свободу.
К истинам нет указателей брода,
Но чувствую:

 надо туда,
 в непогоду!

Может все прахом,
Брегов нет далеких,
И затхлости запах
Заплесневел в легких,
И нет лучше дела –
Толочь в ступе воду,
Но я

 поднял парус
 свой в непогоду.

Ушел сквозь буи
За чайкою белой,
И волны мои
От кормы – вправо-влево,
Они добегут до оставшихся гоном,
Чуть-чуть всколыхнув пришвартованных к бонам,
Я слышу, мне дышит низкое небо:
- Вернись, разобьешься, ты там еще не был!

Да только напрасно,
Не той я породы,
Чтоб парус

 спустить свой
 из-за непогоды.

ПИОНЫ

Ни клумб, ни цветочных базаров вокруг,
Средь серых заснеженных зданий
Почувствовал ясно я нежное, вдруг,
Июньских пионов дыханье.

Откуда пьянящий взялся аромат
До кома мне в горле знакомый?
Из стужи надымской я, как наркоман,
Тяну сладкий запах до комы.

И вижу сквозь дымку мороза: цветок
Раскрылся поутру - мой донор.
Теперь мне покойней - я не одинок,
Я чувствую ниточку дома.

Теперь дотянусь до счастливого дня,
Мне знак был о времени оном!

Сегодня за тысячи дней от меня
В саду распустились пионы.

Посвящается А. Гладышеву,

Погибшему 20 февраля 1984 года

В финале чемпионата мира

По спидвею в Лужниках

Мне и сейчас не избежать озноба,
Фальшивили и скрипки, и альты.
Ему кругами выпала дорога
Неописуемо манящей красоты.
И он, прогрев мотор до красноты,
Рванулся в круг, лишь взвизгнули троса,
И загорелись позади мосты:
Ему не полагались тормоза.
А на него и на ему подобных
Глядели люди, будто на безумных,
Казалось им, что дико и неумно
Ходить по краю пропасти бездонной.

Осознаешь все поздно или рано,
Частенько ощущеньями других,
А он играл с самой судьбой на равных,
Благодаря ее за новые круги.
И возвращал ей вовремя долги:
На теле места не хватало шрамам,
Летели вилки, в узел гнулись рамы,
Гуляла смерть — не вытяни руки.
И кто-то свыше предвещал венки,
А он смеялся, жил и лез к вершине,
Не думая о том, где будет финиш,
Счастливым был в веселые деньки.

Мне и сейчас не избежать озноба,
Фальшивили и скрипки, и альты.
Ах, если б знать — чем кончится дорога
Неописуемо манящей красоты
И подстелить соломку, сдать туза!
Но поздно — подвела судьба черту,
Она того увозит в пустоту,
Кому не полагались тормоза.

Он, может, слишком лег на вираже,
Приблизившись вплотную к краю бездны,

А может, ему в круге стало тесно,
Нам это не дано узнать уже.
Его теперь встречают в пустоте
Упреками, мол, слушаться не стал.
А на вираж уже ложатся те,
Кому еще всходить на пьедестал!

КАК МНЕ ПИШЕТСЯ

Увёл с собой день и свет, и заботы,
Февральская тень, туманом болотным
Окутав меня, пробуждает виденья -
Витают но комнате лица и тени:
Страшные, злые, носы крючковаты,
Зубы гнилые, спины горбаты.
Лихие красавцы, морские царицы,
Налитые кровью и добрые лица.
Умные, гнусные, губы отвислые,
Грубые, грустные, дикие, лысые,
Жизнь отжившие и не пришедшие
Бродят но полу, комоду, кушетке.

Театр без ролей и без артистов,
Без божьей воли творятся убийства
Заново тех, кто убит был когда-то,
Сыплются деньги, воеет собака.
Палач и доносчик, трусливо оскалясь,
Слились в единую морду шакалью,
Не успеваю за тем, что творится,
Жизнью своей живут тени и лица.
Худые, ехидные, алчные, красные,
Блеклые, видные, даже прекрасные
Встали в дверях неизведанных странствий,
На долю секунды зависнув в пространстве.

Но - миг, и ожили все образы сразу,
Вены и жилы как по приказу
Вздулись, и кровь побежала по телу,
Листы заполняются чёрным по белу.
Нежным шептанием, воплем надсадным,
Вечным скитанием, смертной досадой,
Тягой к известности, страстью к богатству
Полнится лестница рабского братства.
Крутятся звери, рыбы и птицы,
Черви и змеи, тени и лица,
Солнцем палёные, морем солёные,
Сытые, выбритые и холёные.

Ночь на исходе, рассвет тёмно-синий,
И не было, вроде, прожитых жизнью,

Последние блики в тумане витают,
Тени светлеют, видения тают.
Подлец напоследок смеётся убого,
Мать просит защиты для сына у Бога,
В стене растворяясь, уходит любовник,
Но наяву сотни строчек неровных
О пьяных харчевнях, разрушенных замках,
О знати и черни, самцах и о самках,
Проживших ночь и ушедших бесследно...
В зеркале только лицо моё бледное.

ПРО НЕГО

Ты посмотри, как он живёт:
Не ест, не спит, по столько пьёт,
Надолго ль его хватит?
Нет ни хозяйства, ни семьи,
Его, попробуй-ка, пойми:
То он в Москве, а то в Перми.
Характер!

То пожалел себе рубля,
А то на штуку загулял,
Соседям нет покоя.
То у него в гостях врачи,
То - моряки, то - циркачи,
А то - воры в законе.

А справа солнце, слева дождь,
И сверху день, а снизу ночь.
Скажите, не обидно ли:
Ведь, справа солнце, слева дождь,
И сверху день, а снизу ночь
Ему, лишь, только видные!

Ты посмотри, как он живёт:
Как будто, что-то его жжёт,
Как будто, впилося жало.
Уже наделал столько дел,
Уже три сотни песен спел,
Два раза чуть было не сел:
Все мало.

Зачем, дружок, такая жизнь?
Ты оглянись, ты откажись,
Кому, когда, зачтется?
Ведь, был “звонок” уже, сгоришь!
А он, - Да что ты говоришь?
По-детски так смеется.

А справа солнце, слева дождь,
И сверху день, а снизу ночь.
Скажите, не обидно ли:
Ведь, справа солнце, слева дождь,
И сверху день, а снизу ночь
Ему, лишь, только видные!

В ЗАПОВЕДНЫХ МЕСТАХ

Я забрел в заповедные чьи-то места,
Интерьер – ну тайга, да тайга!
Настоящая, слышу, мне Баба Яга:
- Заходи, угощу досыта.

Водка, закусь у ней и притушенный свет,
И гитара. Я спел, куда денешься?
Загорелась Яга: “Да никак ты поэт?
Знаешь что, давай-ка поженимся.

Что ты выпучил глаза, лей еще винца,
А то как-то побледнел моментально.
Я давно себе метила мужа-певца,
Ты закусывай, родной, гениальный”.

Сказка сказывается
На полутора листах.
В заповедных же местах,
Видно, крылья на делах.
Все дела в пяти строках
Укладываются.

- Да какая я старая, леший с тобой,
Мне всего-то – четыреста с четвертью.
Захочу и в момент обернусь молодой,
Проверяй, если хочешь, я честная.

Завелась: “Что захочешь, смогу я достать.
Дом-то видел, на ножках, крутящийся!
Соглашайся, на ступе будешь летать,
На бензин ни гроша не потратишься”.

Обернулась ведь, бестия, в джинсы, очки,
Бюст себе – третий номер напялила,
Ноги вправила в выше колен сапоги,
Рот зубов рядом белых заставила.

Сказка сказывается
На полутора листах.
В заповедных же местах,
Видно, крылья на делах.

Все дела в пяти строках

Укладываются.

- Вот, все есть, - глаз у старой стал водяной, -
Имя, хочешь, сменю на Ягуства?
И к Кощею вхожа, и знаком Водяной,
А душа что-то тянет в искусство.

Я тебя пропишу в заповедный наш лес! –
Снова старая раздухарилась, -
Домовой с уговорами триста лет лез,
Не далась, для поэта хранилась.

- Нет, Яга, - говорю, - да и песни мои
Вашей нечисти, как в горле кости.
Ты невеста, конечно, что тут говорить,
Залетай ко мне как-нибудь в гости!

И ушел я оттуда, а может быть, зря?
Может, жил бы я там интересней?
С Домовым бы на “ты”, и с Кощеем в друзьях,
И писал бы ненужные песни.

НЕ ФРАЕР БОГ

Из смерти цепких лап я выскочил,
Ослаб, но рад, что нынче не почил.
Теперь уже дыханье ровное,
Поклон тому, кем жизнь дарована.

Не фраер Бог -
Он мне помог,
И значит, что - то будет вновь:
Сто дней лихих,
Потом – стихи,
А даст Господь, то и любовь.

Льдом берега пока лишь тронуты,
Я не люблю обиды кровные,
И верю - нить еще не порвана,
Поклон тому, кем жизнь дарована.

Не фраер Бог -
Он мне помог,
И значит, что - то будет вновь:
Сто дней лихих,
Потом – стихи,
А даст Господь, то и любовь.

Своего ничего - ни кола, ни двора,
Слов оживших – гора, и песен.
А на общем дворе снова флаги горят,
Снова, значит, парад. Я смотрю, я невесел.

Своего ничего - ни кола, ни двора,
А жена, так и та - чужая.
Одиноким пятном в небе звездном дыра,
Месяцами душа моя там проживает.

Своего ничего - ни кола, ни двора.
Да и нужно ли мне, не знаю.
Я спокойно уйду, как придет пора,
Мне бояться чего? Ничего не теряю.

Я был со странными людьми,
Они мне все клялись в любви:
И кто протер локтями стол,
И тот, кто только что пришел.

А я глядел на лица их,
И все скучнее был мой стих,
И не допив свое вино,
Шагнул в открытое окно.

Я был довольно долго там,
Теперь скорей к своим друзьям.
Мы друг на друга поглядим,
И все пойдем и помолчим.

Я был среди лихих голов –
Ножи в карманах, море слов,
Сверкал там каждый взглядом злым,
Стараясь выглядеть блатным.

А я глядел на лица их,
И все скучнее был мой стих,
И не допив свое вино,
Шагнул в открытое окно.

Я был не очень долго там.
Но все равно – скорей к друзьям.
Поговорим о том, о сем,
Чуть усмехнемся.
Вот и все.

Все началось, как дивный сон,
Явился он, а вместе с ним
Огромный стол из яств и вин,
Мы сели пить к столу вдвоем.

Он нем был, как дневная выпь,
И словно демон - в черном весь,
— Постой, поем, дурную весть
Еще успею сообщить.

Тебе, друг мой, осталось жить
Чуть-чуть, чуточечек, чуток,
Ты много бил о двери лоб,
Чего достиг? Зачем — скажи?

Ты ни одну дверь не открыл,
А синь вдали — самообман,
Ты из ручья, как наркоман,
Себя поил, не опоил!

А если б даже ваш притон
Ты сделал чище и честней,
И поменял бы суть вещей,
То кем бы сам стал в мире том?

О чем бы там стал говорить,
Кому б тогда служил ручей?
Молчишь? Не бойся, суть вещей
Вам не под силу изменить.

Вам нужен этот грязный дом,
Чтобы себя в нем обелять,
А бог ваш — прожженная блядь! -
Он усмехнулся, а потом,

Вдруг залпом выпив триста грамм,
Мне жадно в ухо стал шептать,
— Послушай, я тебе все дам,
О чем ты здесь мог лишь мечтать.

Растает утренний туман,
Увидишь синь, к которой шел,
На, выпей этот порошок,
И явью станет твой дурман.

Он что-то белое в стакан
Мне сыпал, пенилось вино,
А по трясущимся губам
Его — кровавое пятно!

Я осушил... другой бокал,
Исчез он с криком, - Буду вновь!
Теперь моя сочилась кровь,
Укус змеи я выжимал.

ДВЕ КЛЕТОЧКИ ДОБРА

Придуманы людьми слова для изъяснений,
И чтоб не путать их - есть в голове кора,
И клетки для сомнений,
Стремлений, опасений,
И где-то в глубине - две клеточки добра.

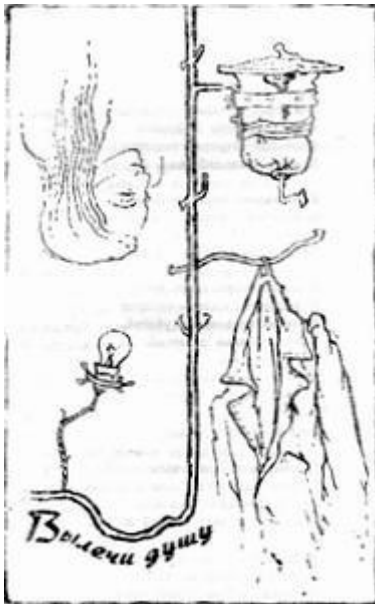
Они легко ранимы: обидь — и погибают.
И люди говорят уже не те слова,
Что делают — не ведают,
Зачем живут — не знают,
Когда убиты в них две клеточки добра.

Что значит день без света,
А ночь без звездной пыли,
Без радости цветенья весенняя пора?
Без сказок нету были,
Без осени нет лета,
И жизнь - совсем не жизнь без клеточек добра.

Кресты, кресты, кресты —
Вся прошлая история,
Природа терпелива, а жизнь всегда права.
Не вытоптать цветы,
Как и не выпить моря,
Вот, капельку бы людям природного добра.

Я слышу, слышу хруст,
И, вовсе, круг не прочен,
Ломайте же его, давно уже пора!
В гостях у разных чувств
Мы засиделись очень,
Нас ждут давно друг в друге две клеточки добра.

Пускай они хрупки,
И вес их не измерить,
Но счастье - не жалеть их: истина стара.
Сбивайте же замки
И раскрывайте двери,
На волю выпускайте все клеточки добра!

СОБАЧЬЯ СТАЯ

По городу сворой уставшей
Бедовые сестры и братья,
Клочьями шерсти связавшись,
Бежала стая собачья.

Все разного сорта и роста,
С оскалом - попробуй-ка, сунься,
Отбросы собачьего рода
Пугали наряженных сучек.

В испуге шарахались доги,
К хозяевам жались овчарки
От этой бездомной, убогой,
Бродячей стаи собачьей.

И даже машины глазами
Своими, узрев эту стаю,
Пищали всю тормозами,
Вперёд её пропуская.

Собачники не рисковали
С теми, кто свёл счёты с цепью,
И стая спокойно, без лая,
Бежала с лишь ей ясной целью.

И было в ней дикое, злое,
Голодное волчье начало,
И вместе с тем что-то такое,
Что взгляд отвести не давало.

ДЯДЯ ПАВЕЛ

Бывает, прикипает — ключом не провернешь,
И рвешь тогда с корнями душу в клочья.
Соседский дядя Павел прожег жизнь ни за грош
И по ночам душою кровоточил.

Тут помирать, не помогает водка,
А по ночам не спится, вот как.

То краешек из детства привидится во сне:
Изба за покосившимся забором.
То стоном въестся в сон колымский талый снег
В углах заиндевельных коридоров.

Он молодой, и что не спать на досках,
Теперь же: два матраца — жёстко.

Соседский дядя Павел проснется до утра
И ощупью прошлепает на кухню,
Там, свет не зажигая, напьётся из ведра,
Заохает, заахает, закурит.
Посыплется на пол от папиросы тлен,
И пепел забытья взлетит как будто,
Увидит ясно он — жена идёт из стен,
Позвать её, да вот забыл: зовут как!

Во сне любовно кто-то шепчет, - Паша.
А наяву придушивает кашель.

Наутро закачают соседи головой:
Ты, дядя Павел, нам пожар устроишь.
А он в ответ с такой звериной тоской
Посмотрит, и поймёшь: пожар — пустое.
И оторопь возьмет от запаха "косой",
От немоты, что крутани — и ухнет!
Он пепел заметет, растерянно-босой,
— Вы извиняйте, коль, помру на кухне.

И в душу каждого вползёт такая жуть,
Как будто завтра самому на кухню в путь.

Пробило полночь ровно в полночь,
А ровно в пять пропел петух,
И тут же свет в избе потух,
Иван Савельич взял треух
И вышел вон. Он точно вспомнил,

Он точно вспомнил место то,
Где восемь лет назад пальто
Свое оставил, выпив лишку,
А там в подкладке золотишко
Зашиито в тряпки: семь по сто.

Ох, жизнь — копейка. Ох, понесло!
Ну-ка, налей-ка, пока не взяло.

Кемаря в первой электричке,
Иван Савельич вспоминал
Былое: озеро Байкал,
Барак, пилу, лесоповал,
Бича, “Убогого” по кличке.
Это “Убогий” отыскал
В тайге сверкающий металл
И в ту же ночь куда-то сгинул:
Иван Савельич его в спину
Чуть подтолкнул, и тот — в прогал.

Ох, жизнь — копейка. Ну, понесло!
Лей, не жалей-ка, пока не взяло.

Как будто в день своего рожденья
Иван Савельич на перрон
Сошел, и сразу слева дом
Увидел тот, в котором он
Свое отметил возвращенье.
Все точно, восемь лет назад
Он здесь пил десять дней подряд,
Потом в грязи очнувшись где — то,
Избитый и почти раздетый,
Не помня, друг кто, а кто гад.

Но вот, кажись, конец дороге,
Давай, Савельич, не робей!
Он в дверь стучит, а там за ней
Шаги все ближе и слышней,
И бич “Убогий” на пороге.
— Ну что, Иван, не ожидал?
А я тебя давненько ждал,
Как не прийти за золотишком,
Да только, вона, как все вышло:
Зря столько лет сюда бежал.
А то, что жизнь твою не взял,
Когда ко мне приполз ты в руки,
Так я свободе на поруки
Благодаря тебе, лишь, суке,
Тогда попал через прогал.

Ох, жизнь—копейка! Где верх, где дно?
Лей попопней-ка, теперь все — одно.

Пробило полночь ровно в полночь,
И ровно в пять пропел петух.
А свет в избе ещё не тух,
Иван Савельич встал, вздохнув,
Налил водички, ковшик полный.
Глоток, потом ещё глоток,
И снова мысли все про то,
И сна не будет, как и прежде.
Ох, зря он в город тогда ездил,
Ох, зря припомнил про пальто.

В АФРИКУ!

К чертям стихи, сонеты, драмы, стансы,
Она вошла, давая всем понять:
Я здесь затем, чтоб "сняться" с иностранцем.
И я её решил, конечно, "снять".

На ней рыжью, космические штанцы,
Сто двадцать - ноги, золотая прядь!
Таких всегда "снимают" иностранцы,
Но я её решил сегодня "снять".

Ей предложили столик с африканцем,
Они смеялись, будто вот - экстаз!
Она хотела, ясно, с иностранцем,
Но я её "сниму" на этот раз.

Потом они крутились в диком танце,
Чертовка так умела танцевать!
Она предназначалась иностранцу,
Не зная, что её решил я "снять".

Он уступал мне в щедрости и росте,
Я им коньяк с шампанским заказал,
Но только раззадорил этим гостя,
В ответ он ящик пива мне прислал.

Я зверем выл, во мне мутился разум,
К ним подошел, представился: Борис!
Да был смешон - они уселись в "Датсун"
И двинули к отелю "Интурист".

Я ехал на метро, не видя станций,
Но мысли ясной поразился вдруг:
Ведь, в Африке я буду иностранцем,
Там нарасхват я буду у подруг!

В Африку надо ехать!

Мы все стремимся к лучшему,
Равнение на отличников
Еще с начальной школы
Приучены держать,
И нет удобней случая
Для проявления личности,
Чем, глядя в рот учителю,
В учении дерзать.

Шагают пионеры
К воротам новой эры,
Клеймят позором Никсона
И в барабаны бьют!
Плечом к плечу прижатые
Поют вслед за вожатыми,
Разыгран будто в шахматы
Их жизненный дебют.

- А ну, скажи нам, Петенька,
Кем Пушкин был для Пущина?
- Был Пушкин другом Пущину
Еще по лицу,
Он хоть из обеспеченных,
Был за рабочих в сущности,
И очень не нравился
Тогдашнему царю.

Шагают пионеры
К воротам новой эры,
Клеймят позором Картера
И в барабаны бьют!
Плечом к плечу приклеены,
Клянутся в чем-то Ленину,
Один только Салеев
Не отдает салют.

Ох, и беда с Салеевым,
Учителя болеют с ним,
Когда проходят Горького,
Проходит он Дюма,
Что в лоб, что по лбу — тьфу ему!
Он — трудновоспитуемый,
Его определенно
Дождается тюрьма.

А вот спроси Салеева
Таблицу Менделеева -

Полезут вверх вспотевшие
Химичкины очки!
Он вечно огрызается,
Плюс боксом занимается,
Из-за него теряются
Седьмого «а» очки.

Шагают пионеры
К воротам новой эры,
Клеймят позором Рейгана
И в барабаны бьют!
Плечом к плечу прижатые,
Поют вслед за вожатыми,
Разыгран, будто в шахматы,
Их жизненный дебют.

Мы все стремились к лучшему,
Равнялись на отличников,
Теперь сидим в конторках,
Наш дух ровн и тверез.
Мы не попали в личности,
Нас не коснулись случаи,
Вот разве что Салеев
Взошел на Эверест.

Шагают пионеры
К воротам новой эры,
На Буша смотрят искоса
И в барабаны бьют!
Плечом к плечу прилипшие,
Поют, давно прогнившее,
Переменить нелишне бы
Им жизненный дебют.

СОН

Мне снился сон -
Травили пса,
Дурные чьи-то голоса
Терзали сновидение,
Грех смертный числился за псом:
Он преступил людской закон,
Поставив жизнь свою на кон
За неповиновение.

Пес глух к команде был - ложись!
И вдруг не встал к ноге,
Послал к чертям шакалью жизнь
В дырявой конуре,
Указ хозяйский, суп и кнут -

Отлаял горлопан,
И пес пошел вразнос, враскрут
На пан или пропал.

Дымилась шкура пса, потом
Грудь дрожь опоясала,
Кровь пастью, мат и гогот ртом,
С пристрастьем бьют за непоклон,
Но до чего ж красив был он
В сиянии оскала!

Ему бы, псу, не надо в рык,
Дешевле обошлось бы,
А так - веревка на кадык,
Прикладом в пах, прикладом в дых,
Аж, пот у родненьких-родных
По слипшимся волосьям,
Когда б по одному бы их,
Клыков для всех нашлось бы.

Но и теперь пёс гнул своё,
Не охнув и не ахнув.
И кто-то крикнул, - Жарь в него!
И чьё-то вскинулось ружьё,
Проворное на крик ружьё,
И жареным запахло.

Пёс кувыркнулся и припал
К земле, но не на спину,
Он лапы кверху не поднял,
Судьбину клял, что цепь порвал
Всего наполовину.
И полпрыжка не дотянул
Отступник и лишенец
До тех, кто выдумал вину,
И выдумал ошейник.

Пёс издыхал и таял сон,
И в бликах пробуждения
Под темя бил вопрос ребром,
Под темя бил вопрос ребром:
Кем я был - теми или псом,
И был ли сон лишь только сном?
А где-то колокольный звон
Вымаливал прощение.

Это двести лет назад
я, наверно,
Жил легко и наугад,
откровенно.

И навета понимал
баснословность,
Только, вот, не доказал
невиновность.

А потом смысл многих дней
был неясен,
Говорили: для людей
он опасен!

И тогда оборвалось
где-то что-то,
Даже праведная злость
вышла рвотой.

А осталось — во внутренних
стон хрипящий,
Да кресты в календарях
дней пропащих.

Их бы в стопочку сложить —
колокольня!
После тьмы на солнце жить
больно.

А ухмылочка у рта —
так, ведь, наспех
Предо мною ворота
настежь.

Чувствую, не в добрый час
и согласен
С тем, что именно сейчас
стал опасен!

Не ругались, не толпились, не зверели,
Хоть и было тесного тесней,
Все на равных становились и от двери
Продвигались до окошечка в стене.

Слесарь, инженер, работник прессы
Здесь на время делались близки,
- Сало, хлеб - кому отрезать? Перевесок.
- Ну, а вы возьмите теплые носки.

Это будто бы в войну делили горе:
Мой пропавший, ваш попавший в небе грач.
А в окошечке - весы и в форме трое,
И табличка: "от..." и "до..." - для передач.

ШОФЕРСКАЯ

Сева Сидоров - шофер из таксистской братии,
От Смоленки за углом на Арбате жил,
Но однажды влез, дурак, в поножовщину,
И на Север мотанул, как в Тамбовщину.
Дождаться прихожан было глупо бы,
Кинул свитер в чемодан да с подругами,
Распрощавшись в пять минут, через пару дней
Гнал по зимнику в галоп двести лошадей.

В голове - мыслей рой,
Отдан на съедение.
Триста верст песни пой,
Водка за сидением.

Думал Сева: отсижусь, там и позабудется.
Только Север - дальний путь, год баранка крутится,
А приедет кто с Земли, он всегда с расспросами:
Что там нового ввели, где какие россыпи?
Ночью сон - река да лес - засосет под ложечкой,
И опять далекий рейс, очередь к окошечку,
Только, вроде, и не впрок северные денежки:
Храп, бура да коопторг - выметает веничек.

В голове - ни шиша,
Пригруза в полкузова.
Где-то зреет черемша,
Где-то в парке - музыка.

Чуял Сева - недобром этот рейс на линии,
Две бобины еще днем сжег, теперь заклинило.
Печку выдуло, а в дверь сунешься - порежешься,
Минус сорок, ночь теперь, долго ли продержишься?
У него в Москве братан - техник в автосервисе,
Ох, ему сейчас бы там! Только он на Севере
Замерзает ни за грош, бывший Сева Сидоров.
Будь он проклят этот нож, чемодан со свитером.

Полетели о Москве
Мысли в отдаление,
Теплота в голове,
Вот оно - спасение.
Не придут, не возьмут
К поезду с вокзала...
Чьи там фары в стекла бьют?
Или показалось.

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

К развязке двигался разбор,
На волчье племя пал позор -
Сегодня ночью возле переправы
Резвились волки, коз загнав,
И вдруг один побрёл назад,
Впервые отказавшись от расправы.

И, вот, с утра сидит в кругу,
Растерян, но спина в дугу,
Всё гуще запах воздуха кровавый.
Волк не отводит в страхе глаз,
Он сам бы рад понять отказ,
Отказ от соучастия в расправе.

Быть может, волчий смолк инстинкт,
Такого не случилось с ним,
Но и в другой раз коз он жрать не станет.
Готов платить за это долг,
Но ложь, что больше он не волк,
Он волк, и он докажет это стае!

Сейчас докажет, выйдя днём
К лосям, охотнику с ружьём,
Кому угодно, равному по силе.
Вот он уже со снега встал,
Но нет - вожак подал сигнал,
И стаей всей отступничка казнили.

В БЕГА!

Возвратила на круги своя
Кривая жизни черную тесьму,
Сирены вой, допросы и тюрьму,
И приговор: в сибирские края.

А это значит – ни спеть, ни встать, ни сесть,
Когда захочешь, и не спать без воя,

Работать под конвоем и баланду есть,
Нужду справлять в час точный под конвоем.

Обсосков слушать разных, теперь все командиры,
И так ни день, ни два, а долгих восемь лет
На шконцах жить с соседями по ИТУвской квартире,
Где окна зарешечены, а стекол в окнах нет.

И потому семь месяцев снимать не надо валенки,
Телогрейку, шапку, что б в холоде заснуть.
Вчера себе вскрыл вены минчанин Саня Маленький,
Сегодня утром вздернули “бугра” по кличке Жуть.

Не подтолкнуть, не вытолкнуть года,
Закончен день, и в том его заслуга.
Но, кажется, нет выхода из круга,
Не выбратся из круга никогда.

“Колес” объевшись, на полу катаясь,
Кричит мне полоумный обидные слова,
Забить козла – так мне же срок добавят,
А не забить – по лагерю молва.

Один готов другому пробить со злобы череп:
Ему еще – двенадцать, а у того – звонок.
Один в освобождение давно уже не верит,
А вот другому завтра собьют с двери замок.

Собьют замок, а завтра дороги в жизнь открыты,
Живи же по плакату “Возвращенцам здесь позор!”
Зато другого снова ждут карцер, БУР и “крытые”,
И кажется ему, что первый – подлый вор.

Все чаще душит мысль о побеге,
Конца не видно сроку моему,
Я чую – до конца не дотяну:
Устал я видеть сны о вольном снеге.

Устал от нар, этапов, перегонов,
От напряжения давить животный крик,
От запаха параши и от стонов,
От шизофреников и косящих под них.

Пускает пену бывший ревизор,
Слезам заливаясь, будто псих,
И вот уже поехал он в ШИЗО,
Но все еще кричит за стихом стих.

Езжай в ШИЗО, псих, сам могу читать всю ночь Есенина,
Высоцкий как родня мне, как свет от маяка,
Но хватит, все прочитано, проделано, проверено,
С неволей свел я счеты и в ночь ушел в бега!

В БЕГАХ

Я не имею права
Назвать вам свое имя,
Его скрывать я должен во избежанье бед,
Отнюдь не для забавы
Костюм свой светло-синий
Был вынужден сменить на бежевый вельвет.

Я не имею права
Расслабиться, раскиснув,
Забиться сладко водкой, поддавшись злой судьбе,
На "бис" или на "браво"
Я должен быть артистом,
Я лучшим из артистов обязан быть себе.

Я не имею права
Показываться даже
На улицах центральных, в парке на пруду...
Пред пьяною шалавой
Я извиняюсь дважды,
По глупости случайной, чтоб не попасть в беду.

Я не имею права
На нежность в полной мере,
Пред нею я теряюсь и как в плохом кино
Играю роль коряво,
В любовь нельзя мне верить,
Тем более любимым мне быть запрещено.

Я не имею права
На сны с концом хорошим,
Вот, в лагере про волю глядел я сны подряд,
Теперь же про расправу
Сновиденья пошлые,
Про БУРЫ, про баланду, про шконцев длинный ряд.

Зачем тогда бежал я,
Коль, здесь я снова заперт,
Восходы не волнуют, не радует капель,
Меня свобода жалит,
И нет у меня завтра,
Открыл моим денёчкам последний счёт апрель.

КОЛЬКА – СТАРАТЕЛЬ

Рецепта, известно, как жить, врач не выпишет,
Душу не выслушать в фонендоскоп,
Колька - старатель шестой месяц выпивший,
А вылечить душу за отпуск не смог.

- Вылечи душу, вылечи душу! -
Коля притопал в больницу к врачу,
- Что-то внутри меня гложет и душит,
Вылечь, будь добр, а я отплачу.

Доктор простукал Кольку по косточкам,
В рот заглянул, подавил на живот,
- Здесь не болит, нет? Присядь-ка на корточки,
Так не болит? - Не-е, внутри сильно жжет.

- Ой, жжет внутри, особо по-трезвому,
Просто нет мочи, под утро кричу,
Ты погляди, вдруг там чё треснуло?
Будь повнимательней, я отплачу.

Доктор на Кольку смотрел с раздражением,
- Парень, да ты, я гляжу, симулянт,
Бычье здоровье, небось бюллетень себе
Клянчить пришел, бюллетеня не дам!

- Брат, да ты чё, зачем обзываешься?
Я же к тебе за советом, как свой!
Прачка в халате, врач называешься,
- Дать бы тебе, жаль я трезвый не злой.

Коля свои натянул брюки драные,
Жгло изнутри, будто вырвали клок,
Благо, ларек по пути, три "агдама" он
Взял, разменявши последний "кусок".

Выпил поллитру, чуток отпустило,
Надо подбить отпускные шиши,
Вспомнил врача, усмехнулся - вот шило!
Только и могут: дыши—не дыши.

А съевши вторую портвейну, и вовсе
Легкость души и ясность ума
В себе ощутил он: подумаешь, Госька
За время старанья к другому ушла.

Подумаешь, пропил сто булок с изюмом,
Костюм не купил, да и на хрен мне он,
Да черт с ним со всем, обойдусь без костюма,
Дожить до среды б, а в четверг — на сезон!

Ругайте меня, материте, кляните,
На счастье, конечно, а не по злобе,
Я рву нынче с прошлым последние нити,
В пучину бросаюсь я на скорлупе.
Что там впереди? Да откуда я знаю.
Скорлупка — вот все, что осталось при мне,
Мгновенье, и в волнах я точкой растаю.
Чтоб к вам возвратиться на звонкой струне!

В стихах или песнях
Неважно, но весь к вам
Еще возвращусь я на звонкой струне.

Ну, что ж, мне пора. Не надо, простите.
Все было нормально. Да нет, я не лгу.
Мне просто туда очень нужно, поймите,
Поймите, я больше так жить не могу!
Я должен, обязан раздвинуть границы,
Мне нужно губами приникнуть к волне.
Я должен свободы в пучине напиться,
Чтоб к вам возвратиться на звонкой струне!

В стихах или песнях
Неважно, но весь к вам
Еще возвращусь я на звонкой струне.